

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНДУКЦИЯ В СЛАВЯНСКОМ СКЛОНЕНИИ¹

Индукция аккумулятива (винительного падежа)

Индукцию винительного падежа в славянском склонении едва ли правильно было бы рассматривать как факт категориального порядка. Если не иметь в виду ряда случаев (в общем довольно немногочисленных), нет серьезных оснований видеть в ней некоторую общую тенденцию, определяющуюся природой винительного падежа как морфологической (и вместе с тем определенной смысловой) категории. Сами значения винительного падежа, как и ряда других падежей, не поддаются объединению в какое-либо общее значение, которое можно было бы иметь в виду при учете влияния форм этого падежа. Индукция винительного падежа действует лишь при наличии определенных специальных условий, проявляясь от случая к случаю. Не ставя своей целью исчерпать все относящиеся сюда факты, остановимся на некоторых результатах индукции форм винительного падежа, рассмотрение которых позволяет, как нам кажется, в большей или меньшей мере обнаружить моменты, определившие жизнь круга сплетающихся в своем развитии форм.

Факты различных славянских языков (в меньшей мере — восточнославянских) совершенно ясно показывают, что в довольно большом количестве случаев имела место индукция винительного падежа единственного числа на именительный. Такая индукция несомненна, например, для склонения *й-основ*; ср. русск. *свекровь* вместо «свекры», *любовь* вместо «люббы»; для *ег-основ*: устар.-книжн. *матерь* вместо «мати» и др. Ее результаты отчетливо выражены также в склонении бывших *еп-основ* мужского рода (старославянский тип им. падежа ед. числа *камы*, вин. падежа *камень*). Ср. русск. *камень* (с аналогичским изменением основы — *камня* и т. д.), укр. *ка́мінь* (род. падеж *ка́меня*), белорус. *ка́мень* (род. падеж *ка́меня*), серб. *ка́мѐн* (род. падеж *ка́мена*), *крѣмѐн* (род. падеж *крѣмена*) и т. п., словенск. *kámen*, *krémen* (род. падеж *kreména*), чеш. *kámen*, *křeten*, словацк. *kameň*, *kremeň*, польск. *kamień*, *krzemień*, кашубск. *kańeń* (наряду со старыми формами *kam*, *křem* и т. п. в западнославянском наречии и новейшими *kam*, *křem* и т. п.), верхне-лужицк. *kaŕjen*, нижне-лужицк. *kańeń* и т. п., полабск. *krémén* (но *komóí* «камень» сохранило старину). Ср. также: русск. *ячмень*, укр. *ячмінь* (род. падеж *ячмѐню*), белорус. *ячмѐнь* (род. падеж *ячмѐню*), серб. *јѣчмѐн* (род. падеж *јѣчмена*), словенск. *ječmen* (род. падеж *ječména*), чеш. *ječmen*, полабск. *ječzmiěń* и т. п. в других западнославянских языках; ст.-слав. (русск. извода) *ячмы* (род. падеж *ячмене*).

Единое направление индукции в различных языках было вызвано, вероятно, общей для большинства славянских языков тенденцией к устранению в указанных парадигмах различий в звуковом виде основы им. падежа ед. числа и основы подавляющего большинства других форм.

¹ Продолжение. Начало см. ВЯ, 1956, № 4.

Весьма выразительна индукция вин. падежа ед. числа на им. падеж этого же числа у ряда слов (не у всех) женского рода *a*-основ с подвижным ударением в описанных М. Решетаром сербских штокавских говорах¹ — в говоре католиков Прчання (Perzagno) — бокской диалектной группы и в говоре черногорского племени озриничи. Так, у озриничей им. падеж ед. числа звучит *brâda*; параллельно произносятся: *dûša, glâva, glâmha (glavha), grêda, grâna, rûka, srîjeda, stîjena, strâna, vòjska, rêta, ôvca, stîjela*. В Прчане только: *brâda, dûša, glâva, grêda, grâna, rûka, strâna; ôvca*². Некоторые детали (среди них есть, кстати, очень интересные в акцентологическом отношении) могут быть предметом спора; однако общее направление индукции ясно. Конечное ударение в им. падеже ед. числа в Прчане сохраняют лишь слова, явно, по крайней мере в своем большинстве, искони принадлежавшие к типу *oxytona*; лишь частично в тех или других говорах они ассимилировались подвижному типу (прежде всего с ударением корневого слога в вин. падеже ед. числа). Примеры из относящегося к Прчаню списка Решетара: *zviježdâ* (ср. русск. *звездá, звездý*), *bijedâ* (ср. русск. *бедá, бедý*), *dûgâ* (ср. русск. *дугá, дугý*), *fâlâ* (*хвалá, хвалý*), *mûkâ* (*мукá, мукý*) и т. п. Ясно, что в этом типе слов первоначально (пока такие слова частично не подверглись ассимилирующему влиянию подвижного типа) не существовало благоприятных условий для действия индукции, о которой идет речь.

Характерно, что индукция вин. падежа ед. числа у слов подвижного типа и у озриничей, и в Прчане касается только им. падежа ед. числа и не распространяется на другие формы, исторически отличавшиеся по месту и характеру ударения от формы вин. падежа ед. числа. Так, род. падеж ед. числа здесь звучит *brâdê, glâvê, rûkê*; твор. падеж — *brâdôm, glâvôm, rûkôm*; род. падеж мн. числа — *brâdâ, glâvâ, rûkâ*; дат. падеж — *brâdâta, glâvâta, rûkâta*. Сходство с вин. падежом ед. числа дат. падежа ед. числа и им.-вин. падежей мн. числа, очевидно, — факт более глубокой древности.

Любопытно, что соответствующее явление в его начатках отмечает и для сербского чакавского говора города Креса (Cherso) М. Тентор. Упоминая о том, что в данном говоре обычно сохранено старое место ударения, Тентор замечает³: «...но у младшего поколения можно, хотя и редко, встретить отклонения, и это чаще всего наблюдается в таких и подобных случаях: вместо *glavâ* можно слышать также *glâva*, вместо *rûkâ* также *rûka*, вместо *voda* также *vôda*⁴. Винительный падеж, таким образом, здесь начинает влиять на именительный. Вместо формы, соответствующей *борода* (русс.), говорят только *brâda*». Правда, Тентор допускает и другое понимание соответствующих фактов, видя в явлении, о котором идет речь, параллель к словенской «тенденции» перетягивать «восходящее» ударение с конечного слога на предшествующий. Но вряд ли здесь можно говорить о действии фонетического закона. В говоре Креса, в котором колебание *rûkâ: rûka* и т. п. (и именно в этой морфологической категории, а не в других) составляет живое явление речи, встречаются и такие факты отклонения от старого места ударения, как

¹ M. Rešetar, Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.

² Там же, стр. 92—95.

³ M. Tentor, Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso), «Archiv für slavi-sche Philologie», Bd. XXX, Heft 1—2, 1908, стр. 159.

⁴ В говоре Креса звук *o* под ударением (не в конце слова и не в односложных словах) удлиняется (см. А. Веліс, [ред. на указ. статью М. Тентора], «Rocznik slawistyczny», t. II, 1909, стр. 177). — Л. Б.

metla вместо *metlà*, *jìgra* вместо *jigrà*, *děska* вместо *deskà*. По-видимому, объяснение им следует искать в действии определенных моментов индуктивного характера.

Сюда же, по-видимому, относятся случаи количественных особенностей (сокращение фонетической долготы) форм именительного и других падежей ед. числа у имен существительных с суффиксом *-ьба*, по происхождению абстрактных.

В сербском языке вместо ожидаемых *дрѹжба*, *слѹжба* (из **drũžьба*, **slũžьба*) на самом деле имеем: *дрѹжба* (из **družьба*), *слѹжба* (из **služьба*); вместо фонетически правильных **bòrba*, **dvòrba* (с удлинением *o* в закрытом слоге перед *r*) выступают *бòрба*, *двòрба*; ср. и *жѹрба* вместо ожидаемого *жѹрба*¹. Как видим, индукция вин. падежа здесь лишь частичная: старое ударение им. падежа и других окситонных падежей ед. числа сохранено и даже усвоено самим вин. падежом. Обратное влияние проявилось в сокращении долготы гласного основы старых окситонных падежей. Вне этого влияния остались лишь единичные слова: *бѣрба* «собираание (винограда, плодов)», *ка̀рба* «брань, ругань» (на последнее противоположное влияние мог оказать глагол *ка̀рати* с долготой корневого гласного; следует, однако, для точности указать, что в случае с *кѹнба* «мучение» при *кѹнати* этого не произошло). В русском языке, как и в других восточнославянских языках, индукция вин. падежа ед. числа проявилась у таких слов в месте ударения: *дрѹжба*, *прѣсьба*, *слѹжба* (при фонетич. *дрѹжбу*, *прѣсбу*, *слѹжбу*).

Известную поддержку такое направление индукции могло получить от параллельных форм слов, у которых корневой гласный был по происхождению акутированным: *свадьба* — серб. *сва̀дба* (ср. *сва̀т*) и т. п. Впрочем тот факт, что слов последнего типа очень мало и среди них преобладают трехсложные (*уца̀дба*, *женѹтба*), не позволяет придавать этому моменту большого значения.

Большинство образований на *-ба* сохранило, однако, в русском языке окончное ударение (даже обобщив его и в вин. падеже ед. числа): *бо̀рба*, *мо̀льба*, *па̀льба*, *су́дба*, *хо́дба*, *мо́лотба*. Слово *тя́жба* в самом начале XIX в. встречается еще с обоими ударениями: «Чтоб после тѣжбы вслед и свадьбе быть тотчас» и «По важной толь тѣжбѣ ходить его отправил» (И. А. Крылов, «Лентяй», 1803—1805 гг.). В литературном языке первой половины XIX в. наблюдается колебание в ударении слова *ре́зба*; ср.: 1) «...И скромный памятник, в приюте сосн густых, С непышной надписью и ре́збою простою...» (Жуковский, Сельское кладбище, 1802); «...Она не суетной работой, Не ре́збою пленяла нас» (Пушкин, Друзьям, 1822) (такое ударение известно и теперь в профессиональном употреблении); 2) «Резьбю мелкою стена Была искусно убрана...» (Лермонтов, Боярин Орша, 1835). Первая форма представляет собою сохранение фонетической старины (ср. глагол *ре́зать*, серб. *ре́зати*), вторая — отражение влияния большинства слов с ударением на *-ба*.

Особенно широко индукция вин. падежа ед. числа осуществилась в болгарском языке, главным образом в его восточном наречии. Так называемый общий падеж *а*-основ в ряде говоров — по происхождению винительный, что вполне ясно обнаруживается в говорах, различающих рефлекс *а* и носового *о* — бывлой приметы вин. падежа ед. числа.

Л. Милетич отмечает, что в ряде говоров форма общего падежа оканчивается на *-ѣ*, являющееся рефлексом др.-болг. *-ѣ* вин. падежа.

¹ Список соответствующих слов см.: A. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache, Teil I, Heidelberg, 1914, § 471.

В то же время в отдельных говорах общий падеж оканчивается на *-á*, что свидетельствует об обобщении в этих говорах формы им. падежа¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в говорах с победившей формой вин. падежа имеется ряд слов охутона, выступающих с окончанием *-а*². Такое окончание имеют только существительные одушевленные (главным образом названия родства и свойства): *žená*, *snǵhá*, *tumá* (мoма), *slugá* (при этом, однако, не все). Особенно употребительно оно (и не под ударением) в звательной форме: *vǵr(v)ǵi*, *popǵd'á*; *mǵri mǵjka!* и т. п., т. е. в категории, сохранившейся в основном у имен одушевленных.

Надо заметить, однако, что не всегда легко (а иногда и вообще вряд ли возможно) определить, вызваны ли те или иные результаты действием только индукции или здесь сыграли свою роль и какие-то иные факторы. Вот достаточно выразительный пример. В родопском говоре Ропкаты (Ropkata)³ в основном у одушевленных имен женского рода (названий лиц) сохраняется старое окончание им. падежа ед. числа; ср.: *tomáta*, *ženáta*, *snǵháta*, *sestráta* (ср. также *vládika* — слово мужского рода этого же склонения); у неодушевленных же возобладало окончание вин. падежа *ǵ*: *nogǵta* [nogǵta?], *gorǵta*, *raǵǵsa* и т. п. (замечтим кстати, что окончание артикля и у названий лиц — из вин. падежа). Любопытно при этом, что у последних сохраняется исконное ударение им. падежа (ср. русск. *ногá*: *но́гу*, *горá*: *го́ру*, *рукá*: *ру́ку*). Однако при всей прозрачности этих отношений все же возникает серьезное сомнение. Дело в том, что все названия лиц женского рода, о которых идет здесь речь, — исконные охутона (ср. хотя бы русск. *женá*, *снохá*, *сестрá*), а неодушевленные — слова с подвижным типом ударения. Не вызывает удивления поэтому отклонение от общего направления индукции, представленное в слове *zǵlvǵta* «золовка»: в этом слове ударение падало на корневой слог. При этом, конечно, не имеет значения тот факт, что *zǵlva* генетически принадлежит к *у-* (*ы-*)-основам и окончания *á*-основ приобрело лишь впоследствии. Однако ряд фактов — приведенное выше слово мужского рода *vládika*, такие заимствования-охутона, как *soǵrǵta*, *torbǵta*, которые отразили влияние вин. падежа, — свидетельствует в пользу мнения о ведущей роли другого обстоятельства: принадлежности слова к разряду одушевленных или неодушевленных.

Очень выразительный пример «расщепленной» индукции представлен в болгарском литературном языке. Старое окончание на *-а* (*-я*) здесь сохраняется в им. падеже ед. числа у всех слов женского рода склонения на *-а* (*-я*), но ряд слов этого склонения получил ударение вин. падежа (накопленное). Это двусложные слова, представляющие собой общую семантическую группу: преимущественно это слова для обозначения того или иного отрезка времени, т. е. часто употреблявшиеся в вин. падеже времени. Ср.: *ǵbba* (нар. поэт.) «время, обыкновенно ночное» (укр. *ǵbǵa* «время; сутки; эпоха», словенск. *dǵba* — с открытым *о*, т. е. из **doba*, впрочем *ǵbba* и в сербском языке), слово стоит особняком, как несклоняемое и среднего рода; *zǵma*, *nǵra* «возраст»; *sǵǵda* «среда» (день недели).

Любопытный факт индукции вин. падежа на им. падеж ед. числа, подготовленный фонетическими условиями, наблюдается в некоторых польских говорах. В этих говорах (например, хелминско-добжинских) при утрате характерным для них в прошлом носовым *а* носового резонанса совпали в одном *а* окончания им. и вин. падежей *á*-основ. По

¹ См. L. J. Miletič, Das Ostbulgarische, Wien, 1903, стр. 104—105.

² Однако предложные формы этих же слов могут иметь и конечное *ǵ*.

³ См. L. J. Miletič, Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, Wien, 1912, стр. 50.

аналогии эти отношения были перенесены и на мягкие основы (*'á*): *viđa ta koza* «вижу эту козу» — *viđa ta vysohà (-o) věžà (-o)* «вижу эту высокую башню». В некоторых говорах, в которых носовой гласный вин. падежа ед. числа *o* стал звучать как *u*, возобладала форма вин. падежа, принявшая по образцу говоров типа *'o > 'a* на себя и функцию им. падежа: *v'ěžu (v'ěžu), studnŭ (studnŭ)*¹.

Это же явление наблюдается и в кашубском языке. Ф. Лоренц отмечает ряд говоров, в которых формы вин. падежа *rolw, stědnw* употребляются и в значении им. падежа². В шварцау-стреллинском говоре это употребление представлено не всегда последовательно. Факты такого рода позволяют понять, как осуществляется грамматическая аналогия. При этом приходится учитывать и возможность взаимовлияния разных говоров.

Очень вероятно, что влиянием вин. падежа ед. числа в сербском чакавском говоре Нового, описанном А. И. Беличем³, объясняется возможность двоякого ударения в трехсложных (и только таких) формах им. падежа ед. числа *ā*-основ: *gospodŭ* и *gòspoda, gospojŭ* и *gòsroja, lōboda* и *lōboda* и т. п. Вин. падеж ед. числа у таких слов имеет только накоренное ударение: *gòspodu, gòsroju, lōbodu* и т. п.⁴. Накоренное ударение им. падежа можно объяснить и индукцией звательной формы; ср. *gòspodo* и т. п. Такая возможность действительно не исключена, но, очевидно, лишь в отношении имен одушевленных и собирательных, а не слов типа *lōboda, planina, srāmota, bōsota*, для которых допущение индукции вин. падежа более вероятно. При том и другом предположении остается неясным, почему индукция коснулась в говоре только трехсложных слов.

Древнейшее славянское ударение вин. падежа ед. числа возобладало в болгарском языке, кажется, только в одном случае трехсложного слова. Оно, по-видимому, распространилось на всю парадигму слова *рѣбота* «работа, дело, вещь».

Показания различных славянских языков (хотя и не всегда сходные) позволяют считать наиболее вероятными для древнейшей эпохи такие формы им. и вин. падежей ед. числа: **orbota'* (по закону Фортунатова — де Соссюра): **orbotŕ*. Исходное ударение **orbota'* подтверждается, по-видимому, ударением в производном глаголе: ср. русское диалектное *работѣть*, сербск. *работати* (из *работа'ni*), словенское диалектное *rabotāti*; исходное ударение **orbotŕ*, кроме болгарского *рѣбота*, отражено в словенском *rabŕta* (здесь имели место фонетический перенос нисходящей интонации на следующий слог и распространение ударения формы вин. падежа на остальные падежи)⁵. Русск. *работѣ* и серб. *работѣ* свое ударение получили, надо думать, от слова *работник* (ст.-серб. *работникъ*) с ударением, фонетически перешедшим на слог перед слабым *ь*. Непервоначальность ударения *рѣбота* в сербском обнаруживается и количеством гласного *a* (краткость вместо ожидаемой перед подударным краткостным гласным долготы). Чеш. *robota* фонетически может восходить одинаково к **orbota'* и *orbotŕ*.

¹ См.: К. N i t s c h, *Dialekty języka polskiego*, в кн. «Gramatyka języka polskiego», Kraków, 1922, стр. 469—470 (§ 19); А. М. С е л и щ е в, *Славянское языкознание*, т. I, М., 1941, стр. 353.

² F. L o r e n t z, *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*, Berlin—Leipzig, 1925, стр. 151—152 (§ 174).

³ А. Б е л и ч, *Заметки по чакавским говорам*, ИОРЯС, т. XIV, кн. 2, 1909.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ Диалектное *rābota* (вост.-штир., каринт.) не имеет сколько-нибудь достоверного объяснения; на различных догадках в отношении этой формы здесь останавливаться не стоит.

В системе славянского склонения особняком стоит представленная в восточноморавских говорах чешского языка и в словацком языке форма на *-u* родительного падежа *ā*-основ мужского рода: *starostu, sluhu, predsedu, slaristu*. Ясно, что на появление этой особенности никакого влияния не могли оказать былые формы род. падежа склонения *ъ*-основ (*synu, volu*), так как на чешской и словацкой почве они у имен одушевленных не сохранились. Рассматриваемая форма перенесена, по-видимому, из вин. падежа по аналогии со склонением *o*-основ муж. рода, где уже в позднее время форма род. падежа ед. числа стала у имен одушевленных употребляться также в функции вин. падежа (*brata, syna, vola* — род. и вин. падежи ед. числа): род. падеж — *x* = вин. падеж — *starostu, sluhu* и т. п.

Индукция винительного падежа единственного числа па дательный падеж не свидетельствуется отчетливо фактами славянских языков. Ее можно предполагать для двусложных *ā*-основ сербского языка: *зѣмљу: зѣмли* (им. падеж ед. числа *зѣмля*), *вѣду: вѣди* (им. падеж ед. числа *вѣда*), *рѣку: рѣци* (им. падеж ед. числа *рѣка*), *дѣшу: дѣши* (*дѣша*); дубр. *ѡвцу: ѡвци* (*ѡвца*)¹, но, по-видимому, только как добавочный, сопроводительный момент. Приведенные формы дат. падежа допускают и иное объяснение. Так, М. Решетар полагал, что представленные в сербских штокавских говорах формы дат. падежа с ударением на корневом слоге более архаичны, чем соответствующие факты северночкавского наречия и словенского и русского языков². Однако такое мнение вряд ли имеет серьезные основания. Окончание *-и* (*i*) (а не *-е* или *-је*) дательного и местного падежей ед. числа *ā*-основ, явно аналогического происхождения (оно проникло из *jā*-основ), открывало достаточно свободный путь для влияния со стороны *i*-основ: местн. падеж *зѣмљи*: дат. падеж — *x* (*зѣмли*), местн. падеж *рѣци*: дат. падеж — *x* (*рѣци*) — отношения, построенные по типу *i*-основ: *кѡсти: кѡсти, стѣбри: стѣбри* и т. п. При объяснении севернорусского диалектного ударения *к зѣме, к стѡроне*³ и даже *к Мѡске*⁴ влиянием ударения вин. падежа ед. числа *ā*-основ на дат. падеж следует иметь в виду, что эти случаи ограничены, по-видимому, положением после предлога *к*, что делает очень сомнительным такое допущение⁵.

Однако все же можно думать, что здесь, как и в параллельном типе в сербском языке (в штокавском наречии), где факты определеннее, имело место косвенное воздействие вин. падежа. В сербском языке, во всяком

¹ Приводя эти формы, М. Решетар замечает, что, поскольку формы дат. падежа ед. числа практически встречаются редко, существует некоторая неуверенность, действительно ли точно здесь зафиксирована интонация (см. М. R e š e t a r, указ. соч., стр. 88 и 93).

² См. М. R e š e t a r, указ. соч., стр. 88.

³ Ср., например, в тотемском говоре (см. О. Б р о к, Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда, Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 4, 1907, стр. 118).

⁴ Литературные примеры очень немногочисленны; ср., например, у И. А. Крылова («Слон на воеводстве», 1808): «Не ты ль нам *к зѣме* на тулупы Позволил леговыйкй оброк собрать с овец?».

⁵ Существует предположение, что диалектные русские ударения *к зѣме, к стѣне*, кстати сказать, характерные в одних и тех же говорах отнюдь не для всех слов этого типа, представляют собою архаизмы и что будто бы есть основания думать о различии в древнейшем славянском языке места ударения дат. и местн. падежей у этих основ. Показанием сербского в этом отношении, как уже отмечено, очень ненадежны, так как здесь соответствующие факты скорее всего возникли в результате уподобления отношениям *ъ*-основ. Это тем вероятнее, что, например, в чакавском говоре Нового, кроме единственного слова *нога* с дат. падежом *nōgi*, дат. падеж всегда выступает в этом склонении с конечным ударением. Заметим, кстати, что это слово в говоре обнаруживает свою связь с *ъ*-основами и в другом отношении — форма им.-вин. падежа мн. числа звучит здесь, в отличие от всех других слов, *nōgi*, а не *nogē*.

случае, накоренное ударение в дат. падеже ед. числа получают только слова подвижного типа, тогда как охутона остаются с конечным ударением и в дат. падеже: *жѣни* (из *жени*) и т. п., т. е. вне воздействия ь-основ.

Редкую индукцию винительного падежа единственного числа на творительный, может быть, обнаруживают в склонении на -а некоторые южнорусские говоры, где встречаются формы типа *пáлкуй*, *берѣзуй*, реже (например, в ельнинских говорах): *з мáткую*, *асíную*, *дарóзую* и т. п. Однако едва ли не все ученые, высказывавшиеся об этих формах, видят здесь отражение какой-то диалектной фонетической особенности, которую затрудняются определить. (А. А. Шахматов и за ним С. П. Обнорский¹ большое значение придают тому, что такие формы как будто особенно часты в случаях, где -ую следует за велярным согласным). Предполагаю здесь индукцию вин. падежа, возможно, поддержанную фонетически ассимиляцией безударного -о- последующему -ју-.

*

Индукция окончаний винительного падежа на именительный бесспорна у существительных мужского рода во множественном числе (русс. *сто́лы*, укр. *сто́лі*, белорус. *ста́лы* и т. п.). Она охватила исключительно большое число слов в русском и ближайше родственных ему украинском и белорусском. Остатки старины (в названиях лиц — вроде украинского *б́рузі* «друзья», русск. *сосе́ди*) крайне незначительны. Почти полностью осуществилась она в нижнелужицком, не захватив только названий лиц. Результаты этой индукции широко представлены в чешском языке у имен неодушевленных: *duby*, *potoky*, *stoly* вместо прежних (исконных) *dubi*, *potoci*, *stoli*; *meče*, *hrnce* вместо прежних *meči*, *hrnci* и т. п. Принципиально те же отношения характерны и для словацкого. В некоторых говорах индукция вин. падежа распространилась еще шире, охватив и названия животных: чеш. диал. *kapry*, *voly*, *raky* и т. п., морав.-словацк. *hady*, *raky*, *zajíce* и т. д.²

В кашубском языке исконные формы им. падежа мн. числа обыкновенно сохраняются в их рефлексах только у одушевленных (у названий лиц и животных), неодушевленные же отражают результаты индукции вин. падежа³.

В литературном польском языке также несомненны результаты индукции вин. падежа на им. падеж мн. числа у неодушевленных; в большой мере ею захвачены и названия животных (здесь у некоторых слов возможны колебания вроде *wilki*: *wilcy*, *ptaki*: *ptaci*). Стойко этой индукции сопротивляются только названия лиц⁴. В некоторых польских говорах этот процесс пошел еще дальше. Например, в польском говоре Спичинской волости (gminy) в Люблинском воеводстве слова, принадлежавшие ранее о-основам, почти совершенно утратили старые окончания -owie и -i (перед которым осуществлялась в прошлом известная мена велярных согласных). В этом говоре возобладало окончание вин. падежа (с фонетическим пе-

¹ См.: А. Шахматов, Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров, РФВ, т. XXXVI, № 3-4, 1896, стр. 78; С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 284—288. Ср. и беглое замечание Р. И. Аванесова в его статье «Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей» (ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 177).

² См. F. Trávníček, Historická mluvnice československá, Praha, 1935, § 277.

³ Подробнее об этом см. F. Lorentz, указ. соч., стр. 147.

⁴ Подробнее см.: J. Łoś, Gramatyka polska, część III, Lwów — Warszawa — Kraków, 1927, стр. 33—34 (§ 81) и сл.

реходом его после согласного *ж* в *-i*), т. е. соответствующие слова в говоре звучат: *pašerby*, *pany*, *znory* и т. п.; *Polaki*, *kowalsuki*, *xiopaki*, *bratniki* ¹.

Тот факт, что в большинстве славянских языков и наречий чрезвычайно широко представлены результаты индукции рассмотренного направления, осуществлявшиеся уже в позднюю эпоху независимого развития отдельных языков, должен, конечно, иметь какие-то достаточно определенные причины. По всей вероятности, таким мотивом было стремление выравнять (уоднообразить) в парадигме конечный согласный основы. Если это так, то надо предположить, что начало соответствующему направлению индукции, скорее всего, было положено основами, оканчивающимися на велярный согласный, у которых им. падеж мн. числа обнаруживал давнее фонетическое изменение (вторая палатализация) *k*, *g*, *ch* в *c*, *z*(*dz*), *s*(*š*) перед *i* (из **oi*). Как известно, принимаемый для данной категории мотив дает себя знать и по отношению к ряду других случаев, хотя проявляется он далеко не везде в одинаковой степени (ср. хотя бы полное сохранение рефлексов второй палатализации в местн. падеже ед. числа в чешском, украинском и др.). Образцом того, что им. падеж мн. числа принципиально может совпадать с вин. падежом, служило, очевидно, склонение *a*-(*ā*)-основ, а также и единственное число самих мужских склонений.

Романские языки дают очень ясные параллели славянской индукции, идущей в склонении имен существительных от форм вин. падежа; здесь индукция нередко охватывает и имена одушевленные ². Особенно прозрачна индукция форм вин. падежа в испанском, где общий падеж мн. числа звучит в точном соответствии латинскому окончанию вин. падежа в мужском склонении бывших *o*-основ: *-os* (лат. *amicos*) — *amigos*; по аналогии и у других имен, позже перешедших в это склонение: *tiempos*, *siempos*.

Индукция локатива (местного, предложного падежа)

Как уже указывалось в первой части статьи ³, И. А. Бодуэн де Куртэнэ в свое время переоценил употребительность локатива. В тех случаях, когда этот падеж формально не совпадает с дательным, он не играет большой индуктивной роли.

Известную способность его индуцировать другие формы склонения нельзя, однако, отрицать, по крайней мере по отношению к определенному кругу слов (особенно связанных с обозначением места и — несколько меньше — времени), где воздействие локатива на другие формы склонения выступает с достаточной ясностью.

Индукция местного падежа ед. числа на остальные формы парадигмы безусловно имела место в пределах форм ед. числа у *ь*-(*i*)-основ. Так объясняются в русском языке случаи конечного ударения форм, оканчивающихся на *-и*, у односложных слов типа *Русь*. Родительный и дательный падежи этого слова у писателей первой половины XIX в. обычно еще выступают с ударением на корне: «...Быть может, некогда и мне Во славу Рूसи пригодится Рука, привычная к войне» (Н. М. Языков, А. Н. Вульф, 1825); «Все русское звучит в их глубине, Надежды все и слава

¹ См. B. Lindertówna, *Gwara gminy Spiczyn w województwie łubelskim, «Studia z filologii polskiej i ślawiańskiej [Komit. sław. i rusyc. Pol. Akad. nauk]», 1, Warszawa, 1955, стр. 214.*

² См. об этом, например: Э. Бурсье, *Основы романского языкознания* [перевод с франц.], М., 1952, стр. 379 и др.; В. Ф. Шигарева, *Историческая морфология французского языка*, М.—Л., 1952, стр. 33; М. В. Сергиевский, *Введение в романское языкознание*, М., 1952, стр. 194 (§ 162), и др.

³ ВЯ, 1956, № 4, стр. 16.

Руси милой...» (Шевырев, Послание к А. С. Пушкину, 1830) и др.¹ То же наблюдается у слова *грудь*; ср. часто употребляемые предложные формы *в грудѣ*, *на грудѣ*. Вообще сила индукции местного падежа в основном определяется степенью употребительности соответствующего слова в этом падеже.

Только для одной категории форм ь-основ — трехсложных форм типа (теперь вышедшего из литературного употребления) *на площадѣ* (им.-вин. — *плѣщидѣ*), кажется, нет примеров влияния конечного ударения местного падежа. Эта группа слов обнаружила обратную тенденцию, в литературном языке полностью реализованную, — выравнивать ударение местного падежа ед. числа по остальным падежам парадигмы ед. числа: *на плѣщадѣ* и т. п.

Индукцию ударения местного падежа ед. числа на дат. падеж у ь-основ можно отметить также в словенском: *kōsti* из *kosti* в обоих падежах (ср. русск. дат. падеж *кѣсти*, пред. падеж — *на кѣстѣ*; серб. *кѣсти*: *на кѣстѣ*)².

Результатом совпадающего действия грамматической индукции в различных языках, не предполагающего непосредственного контакта этих языков, является, например, форма им.-вин. падежа ед. числа от слова *небо* в болгарском и чешском языках: *небе*, *nebe*. Принадлежность слова к основам на -*es*- давала предпосылку к выравниванию им.-вин. падежа ед. числа по остальным формам парадигмы. Если этого не случилось у других слов тех же основ (*slovo*, *čudo* и т. д.); то здесь было свое основание: именно слово *nebo* по своему значению теснее, чем другие, связано с местн. падежом (*на небе*), что открывало путь для более интенсивного влияния последнего. Возможно, кстати, что и русск. *небо* (ср. *нѣбо* с другим значением — «свод в полости рта» и диал. *нѣбо*, *нѣбушко* «небо») отражает не только старославянское влияние, но и в известной степени воздействие формы местн. падежа — *на нѣбе* (хотя, возможно, было и ударение *на нѣбе*).

Вероятно, индукцией местн. падежа ед. числа вызваны конечные ударения, распространенные в разговорном русском языке у односложных слов *мост*, *порт*, *пост*: *мостá*, *портá*, *постá*. Древность накоренного ударения для *мост* свидетельствуется сербским языком: *mōst* — род. падеж *mōsta* при местном *на мѣстѣ* (из *на мѣстѣ*); словенским: *mōst*; чеш. и словацк.: *most*, а не *mŭst*, *mōst*, как было бы при исконности конечного ударения. В современном литературном употреблении слово *порт*, кроме местн. падежа ед. числа (*в портѣ*), имеет накоренное ударение. Что касается слова *пост* в значениях «место; должность; караул» и т. д., то нынешним *постá* (род. падеж): *о постѣ*: *на постѣ* раньше соответствовали: *пѣста* и *пѣстá*: *на постѣ*.

Этими фактами, по-видимому, ограничивается в русском языке индукция местн. падежа в отношении слов мужского рода. Исключения единичны — ср. форму *рай* (род. падеж ед. числа) у М. В. Ломоносова: «... Душа ее Зефира тише, И зрак прекраснее рай» («На день восшествия на престол имп. Елисаветы»); вероятно, это диалектное ударение (осуждавшееся, как нелитературное, уже А. П. Сумароковым); ср. *в рай*, серб. *у рају* (из **vъ rajū*).

Явление того же порядка представляет русское *угол*, род. падеж *углá*. Н. Ван-Вейк затруднялся вообще определить древнейшее славян-

¹ Другие примеры см.: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 161 и сл.

² Мнение Ф. Рамовша (см. F. Ramovš, Morfologija slovenskega jezika, Ljubljana [1952], стр. 63), будто словенское конечное (исходное) ударение дат. падежа в этом склонении — более старое, следует считать безусловно ошибочным.

ское ударение дафного слова¹. Между тем при учете типичной для этого слова индукции со стороны местн. падежа исконные отношения становятся ясными. Воздействие местн. падежа для древнейшего **ǫglъ* очень выразительно представлено в сербском, где наряду с *ǫgal* имеем *nǫgaо*, усвоившее свое *n* из предлога *въ(n)*. Первоначальные отношения в склонении слова представляются в таком виде: **ǫglъ*: род. падеж **ǫgla*, местный: **въ(n) ǫglě* и, далее, по известной аналогии: **въn ǫglu*. Интонация коренного подударного слога — циркумфлексовая. Это подтверждается диалектным русским (тотемским) *ǫгла* (род. падеж); укр. *вǫгол*, род. падеж *вǫгла*; словенск. (*v*)*ǫgel*, (*v*)*ogāl*; серб. *ǫgal*, род. падеж *ǫгла* с частым сербским сокращением долготы в начальном *у* (под его влиянием и *nǫgaо* с местн. падежом *nǫглу*). Чеш. *ǫhel*, долгота которого не может восходить к циркумфлексовой интонации, отразило, вероятно, подобно соответствующим русским формам, былую индукцию местн. падежа с долготой в положении перед конечным *и*².

Параллель влиянию местн. падежа ед. числа на другие *у* слов с пространственным значением представляет в русском языке XVIII в. временное *час*. Как ясно из серб. *čas*, словенск. *čas*, интонация корневого гласного *у* этого слова по происхождению акутовая (с этим согласуется и обычная этимология **kes*— др.-прусс. *kispan*, вин. падеж из **kes*, алб. *kohë* из **kēsā*). Ударение местн. падежа ед. числа — *в...часу* следует считать поэтому вторичным (аналогическим); к нему восходят, вероятно, распространенные в XVIII в. и в первой половине XIX в. (у поэтов старшего поколения) ударения: *часá*, *часóм* и т. п.: «... Во страхе смертного часá, Вперяя взоры в небеса, Пьют восторг» (С. Шихматов, «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия», 1807); «Торг слажен; и с того ж часá Вступила в караул Лиса» (Крылов, Крестьянин и Лисица, 1811); «Как ведать?— Может быть, и есть в природе звуки, Благоухания, цвета и голоса,— Предвестники для нас последнего часá...» (Тютчев, *Mal'aria*, 1830). Здесь, однако, следует учитывать возможность влияния форм мн. числа, имеющих в русском языке только наконечное ударение: *часы́*, *часóв* и т. д. Что касается самих этих форм, то они, скорее всего, получили такое ударение в результате того же первоначального воздействия местного падежа ед. числа. Так, видимо, следует понимать и ударение форм «ограниченного» числа: *два (три, четыре) часá*. Уже под влиянием последних — *полчасá*.

Перенесение окончания местного падежа единственного числа в дательный в склонении былых *о-(je-)* основ встречается редко. Ф. Рамовш утверждает наличие такой индукции в восточных словенских говорах — в Белой Крайне, в Хорутании; отражена эта особенность и в книгах протестантских писателей [Трубарь (2-я половина XVI в.) пишет: *h bugi*, *h pakli*]. Окончание *-i*, поскольку оно не является возникшим фонетически из неударяемого *и >ü*) *i* (так в Словенских Горицах и в Замурье), по предположению Рамовша, возникло как результат «скрещения» (по *križanju*) дат. падежа с местным по аналогии с местоименным склонением, влиявшим на склонение прилагательных и через них на существительные. Для понимания пути индукции важно еще принять во внимание, что само *-i* местн. падежа (у Трубаря: *bugi*, *na sveiti*, *trebui*, *v životi*, *v zakoni*) фонетически не отражает старого *-i* *о*-основ, а заимствовано, по мнению Рамовша, из *je*-основ³. Однако вряд

¹ См. N. v a n - W i j k, Zum baltischen und slavischen Akzentverschiebungsgesetz, «Jndogerm. Forsch.», Bd. XL, Heft 1—3, 1922, стр. 23.

² Что касается слова *угол*, вопрос о котором Ван-Вейк поднимает там же, то оно, вероятно, в своей судьбе отразило влияние созвучного *угол*.

³ F. R a m o v š, указ. соч., стр. 39 и 41.

ли здесь возможна полная уверенность в наличии индукции, принимаемой Рамовшем. Кажется, нет таких славянских говоров, в которых дат. падеж ед. числа мужского склонения получил бы из местного рефлекс *ĭ*.

Распространенная догадка, будто украинское окончание дат. падежа ед. числа мужского склонения *-ovi* получило свое *-i* из местн. падежа, где последнее восходит к старому *ъ*, остается очень сомнительной.

Контаминацию окончаний *-ovi* и *-u* в виде *-ovi* для дат. и местн. падежей ед. числа мужского склонения находим в диалектах древнего словенского языка. Время существования этого окончания — XVI в., и только изредка оно попадает еще в XVIII в. у Рогеря и Басаря. Как и старое *-ovi*, оно встречается обычно только у слов с односложной основой, имеющей нисходящий гласный корня ¹.

Как результат влияния местн. падежа ед. числа на дат. падеж, видимому, следует рассматривать и словенские формы среднего рода *o-(je-)* основ типа *mĕsu*. Фонетически в таком положении ожидался бы перенос исконной нисходящей долготы (ср. серб. *mĕso*) на следующий слог, что, действительно, наблюдается в языке Трубаря, Далматина и др. (*mesū*). Представленное же в словенском ударение *mĕsu* закрепилось в дат. падеже как продукт индукции на последний со стороны местного: в местном падеже *mĕsu* должно возникнуть из положения **na mĕsu* и т. п., т. е., по всей вероятности, из **nā mesu* и т. п.² Что касается таких же основ мужского рода, то здесь отношения более спорны; *k brātu*, *h kĕnju* могли получить свою нисходящую долготу иным образом: в форме **kz brātū* вследствие выпадения редуцированного гласного *-a-*, по всей вероятности, приобретало нисходящедолгую неподвижную интонацию (ср. *drāka* из **drāka*), а форма *h kĕnju* (ср. обычное *kōnju* из *konju*) и т. п. уже уподобилась этому типу.

В словенском же языке наблюдаем индукцию местного падежа единственного числа на творительный. Если дат. падеж здесь, как и в других славянских языках, может употребляться с предлогом и без предлога, то твор. падеж в словенском обязательно управляет предлогом и благодаря этому в большей степени, чем другие падежи, сближается со специфически предложным падежом — местным. Так, в склонении мужского рода при фонетическом *mesō* (т. е. с переносом нисходящей долготы на следующий слог; ср. серб. *mĕso*) род. падеж ед. числа *mesā*, твор. падеж. *mĕsom*, как и местн. и дат. падежи, не имеет переноса нисходящего ударения на следующий слог³.

В сербском чакавском говоре Нового от имен существительных типа *kōst*: род. падеж *kōsti* местн. падеж ед. числа имеет фонетическую (по закону Фортунатова — де Соссюра) форму *kostl̥*. А. И. Белич видит в ней исходный пункт индукции, вызвавшей новое место ударения в твор. падеже ед. числа — *kostūn*⁴ (из **ko'stīq*; окончание появилось под влиянием склонения *ā*-основ — *ženī*: *ženūn* с $n < m$ из мужского склонения)⁵. Подобное объяснение возможно и для диалектных русских *осенью*, *ночью*; ср. *в осені*, *в нощі*. Однако нет уверенности в том, что конечное ударение в форме твор. падежа ед. числа *б*-основ не является архаизмом, а

¹ F. Ramovš, указ. соч., стр. 39 и 41.

² При этом надо заметить, что данной индукции должна была предшествовать противоположная — влияние дат. падежа на местн. падеж (перенесение в последний окончания *-u*).

³ См. «Slovenska slovnica», Ljubljana, 1947, стр. 164—165 (§ 178).

⁴ А. Белич. Заметки по чакавским говорам, стр. 229.

⁵ Для случаев вроде *kokošūn* (к слову *kōkōš* «курица»), где непосредственное влияние местн. падежа мало вероятно, можно предположить влияние отношения, установившегося у ряда других слов, для которых принимаемая индукция правдоподобна.

ударение на корне в других языках и говорах — явлением индуктивного порядка (под влиянием остальных форм парадигмы).

Индукция местного падежа единственного числа на творительный определенно представлена и в украинском гупульском говоре. Она отражена в склонении слова *nixotъ* «ноготь» (былые *ъ*-основы мужского рода): местный падеж — *nixtā* из «*nixti*»; твор. падеж — *nixtām* из «*nixtim*»¹. Крайне сомнительно, чтобы в данном случае сыграли какую-то роль древнейшие формы род.-дат. падежа ед. числа.

Ф. Рамовш предполагает индукцию формы дательного-местного падежа на родительный падеж единственного числа для женского склонения *ā-(jā)*-основ в белокраинском наречии². Форма род. падежа на *-i*, совпадающая с формой дат.-местн. падежа, могла возникнуть под воздействием факторов, характерных и для *ъ*-основ (если не считать специального места ударения у ряда слов в местн. падеже). Как указывает Рамовш, колебание *ribe* (старая словенская форма): *ribi* в род. падеже ед. числа перенесено из подобного же колебания в дат.-местн. падеже *-i:-(ē)*, где последнее — из *-i* былых *jā*-основ³.

Вероятно, совокупной индукцией местн. падежа и твор. падежа ед. числа объясняются отношения, наблюдающиеся в новлянском чакавском говоре у некоторых имен существительных женского рода на согласный. Наряду с накоренным ударением род. падежа у слов типа *kōst* (*kōsti*) в этом говоре существует и ударение на падежной примете, заимствованной в таких случаях из склонения на *a(ja)*: *do nočē, s ōtē nemočē, pečē* и т. п.⁴. Ясно, что наличие подобной формы род. падежа для слова *heī* — *heerē*, поскольку для слова с таким значением влияние местн. падежа крайне сомнительно, является фактом вторичного — аналогического распространения на парадигму *heī*: род. падеж *heeri* отношений, возникших у некоторых слов этого склонения как результат прямой индукции соответствующих падежей. Здесь следует, однако, учесть еще и другую возможность распространения подударного *-ē* в род. падеже ед. числа: начало этого процесса могло быть связано с достаточно частыми в новлянском говоре случаями колебания в оформлении слов по типу основ на согласный или *ā*-основ: *strān* и *strānā*, *stril* и *strēlā* и т. п.

Индукция на именительный-винительный падеж единственного числа падежей, управляемых предлогами, когда-то оканчивавшимися на *-n* (в первую очередь вин. падежа и местн. падежа), осуществилась, по всей вероятности, у слов, усвоивших начальное *n* от соответствующих предлогов. Такими словами являются: русск. *нѣдра* (-ѣдра), *нутрѣ* (ср. *утрѣба*), серб. *нѣдра* (нѣдра), *нутрак* «плохо выхолощенный конь или кабан» (ср. *утрѣба*; *нутраст* «плохо выхолощенный»); *нугао* (ср. *угал*) «угол».

Заметим попутно, что есть основания подозревать специально индукцию вин. падежа на им. падеж и в отношении ударения русского слова *утрѣба* и параллельных ему западнославянских — чешского и словацкого *útroba*, польск. *wątroba* (последние формы еще с рефлексамися долготы перед былым подударным краткостным *o*). Сербское *утрѣба*: словенск. *otrôba* (из **otroba*) позволяют исходные (древнейшие славянские) отноше-

¹ Ср. Б. Кобиланський, Гупульський говір і його відношення до говору Покуття, «Український діалектологічний збірник», кн. I, Київ, 1928, стр. 47.

² F. Ramovš, указ. соч., стр. 56, 61.

³ См. там же, стр. 56—57.

⁴ См. А. Белич, Заметки по чакавским говорам, стр. 229—231.

ния реконструировать в следующем виде: им. падеж **otroba'*: вин. падеж **ŕtroboŕ*. Полагаем, что в языках с обобщившимся ударением *-o'ba* последнее — из винительного, но с рецессией не на корневой, а на ближайший (срединный) слог.

Для объяснения целого ряда фактов чешского количества, относящихся в особенности к склонению *ā*- и *o*-основ, представляется необходимым предположить особую роль предлогов с гласными полного образования, т. е. типа *na*, *za* и т. п. Речь идет о наличии краткостей в корневых слогах с гласными, по происхождению акутированными долгими и при этом не подлежащими сокращению по каким-либо специальным фонетическим причинам. Сочетания с предлогами указанного типа образовывали трехсложные группы со срединным подударным долгим акутированным гласным, который в этих условиях должен был фонетически подвергнуться сокращению. В дальнейшем, по-видимому, в ряде случаев соответствующие слова усваивали краткий гласный во всей парадигме. Так как среди предложных групп, роль которых принимается для подобных случаев, значительное место занимали сочетания локативного (или временного) значения, естественно причислить явление, о котором идет речь, к отражающим и индукцию локатива (как специфически предложного падежа)¹. Примеры слов, для которых предполагается такая индукция: *na prahu*, *na kraji*, *na mĕstě* (ср. *mĭsto* «место»), *na jaře* «весною».

*

В роли индуцирующей категории предложный (местный) падеж множественного числа отчетливо обнаруживается в сербском. Его воздействию подвергается родительный падеж мн. числа мужского рода основ на *o*, чему способствует совпадение обеих падежных форм в членных именах прилагательных и местоименных прилагательных (ср. *tih* «тех» и т. п.). Примеры из чакавского наречия Нового: род.-местн. падеж мн. числа *vlāših* (*vlāših*), *stārcih* [в род. падеже возможна как параллельная старая форма *stārāc* (и *starāc*)], *susēdih* (в род. падеже возможна старая форма — *susēd*), *krōvīh* (*krovīh*), *kōscīh* (в род. падеже и старые формы — *kōsāc*, *kosāc*; только в местном возможна форма с ударением *koscīh*)².

Слабее проявляется индукция местн. падежа мн. числа на род. падеж в штокавском наречии (ср., впрочем, сказанное ниже о род. падеже мн. числа на *-ā*)³. В Черногории и в пограничных с нею местностях выступают (как заметил уже Караджич) формы род. падежа мн. числа с конечным *-x*: *пушакаx*, *женаx*, *јунакаx*, *ријечих*, *љуђих*. Такие формы встречаются также в западной половине полуострова Саббионцелло (*Sabbioncello*) около Дубровника и на острове Курцола (*Curzola*). Отмеченные Караджичем формы представляют собою, вероятно, осложненные окончанием *-x* местн. падежа формы род. падежа на *-ā(-ū)*. Как констатирует Решетар, распространение таких форм в говорах, которым они были свойственны

¹ Об этом см. Л. А. Булаховский, Акцентологический комментарий к чешскому языку, Киев: вып. 1 — 1953, стр. 17; вып. 2 и 3 — 1956, стр. 19, 23.

² В говоре Нового этой индукцией не затронуты имена существительные среднего и женского рода (кроме *o*-основ: *kōstih*, *kostih* и т. п.). Причина этого для *ā*-основ женского рода ясна: местн. падеж мн. числа *ā*-основ оканчивается на *-āh* и потому слабее ассоциируется с *-ih* у прилагательных и местоименных прилагательных. Почему за образцами мужского склонения не последовали в данном отношении и слова среднего рода трудно сказать.

³ Подробно характеризует соответствующие факты М. Решетар. См. М. Решетар, *Der štokavische Dialekt*, Wien, 1907, стб. 161—162 (§ 78).

ранее, идет на убыль. Поскольку, по наблюдениям Решетара, подобные формы характерны были в его время в большей мере для основ на *-i* (*ь*-основ), то нужно, конечно, согласиться с его мнением, что они возникли под влиянием местоимений и прилагательных, у которых, наряду с окончанием *-i* род. и местн. падежей мн. числа, в соответствующих говорах распространено и окончание с иной рефлексацией «*я*тя» — *-iĭx* (*овiĭx*, *добrĭx*). Таким образом, для индукции местн. падежа здесь нужно принять еще в качестве промежуточного звена воздействие местоимений и прилагательных, а для форм на *-ah* — вероятное посредство форм существительных на *-ih*.

Возможно, однако, что воздействие предложного (местного) падежа мн. числа на род. падеж не ограничивалось в штокавском наречии лишь приведенными фактами. Хотя в этом отношении многое спорно, есть серьезные основания думать, что загадочная со сравнительно-исторической точки зрения штокавская (литературная) форма род. падежа мн. числа на *-ā* во всех склонениях, где исторически ей соответствовали формы на *-ъ* (*-ь*), представляет собою по своему происхождению местный падеж мн. числа *ā*-основ с фонетически отпавшим *x* и с долгой, перенятою из былых *ь*-основ — *stvāri* и т. п.

Индукция местного (предложного) падежа мн. числа на род. падеж вне сербского языка встречается редко. Соответствующие факты в самом начале XIX в. отмечены были, например, в украинском говоре села Убли: род. падеж мн. числа *nohāch*, *dŭn'och*, *t'ŭlach*, *ozérach*, *ról'ach*, *mótach*, *klôčach*, *krŭl'čach*, *nôcht'ach*, *cēr'kvach*, *iahn'át'ach* и т. п. При этом характерно то обстоятельство, что все эти и подобные случаи никогда не встречались в исключительном употреблении, а представляли только варианты других возможных форм. Приведенные факты, по-видимому, дают достаточные основания для того, чтобы представить себе путь развития данных форм. Сопоставление *sil*, *žun*, *koroc* и *hólôc* с *nuh*, *nohāch* указывает, что проникновение формы местн. падежа мн. числа в род. падеж началось скорее всего со слов *noha* или *ruka*, т. е. с тех, которые чаще всего употреблялись в двойственном числе и у которых искони не различались в этом числе родительный и местный падежи. Возможно, что в говорах ублийского типа формы *nohu*, *ruku* исчезли достаточно поздно, и былой синкретизм родительного и местного падежей этих форм оказал косвенное влияние на соответствующие формы мн. числа. Формы среднего рода в первую очередь последовали за образом *nohach* — вероятно, потому, что старая форма род. падежа мн. числа была единственной заметно отличающейся от других формой и в связи с этим легче поддавалась благоприятной для выравнивания индукции (ср., однако, только *stremén*, *strémenij*).

Что касается *nôcht'ach*, то, видимо, такая форма своим появлением обязана внешне сходному слову *lôkôt'*, для которого совпадение род. падежа с местным, как и для слов на *-a*, могло быть подготовлено старыми отношениями двойственного числа.

Для формы *cēr'kvach* можно предполагать особую влияние предложного (местного) падежа. В рассматриваемом говоре вне воздействия предложного падежа остались слова мужского склонения. Надо думать, что решающим моментом здесь было наличие у род. падежа очень выразительной приметы — окончания *-ôc*.

Индукция местн. падежа мн. числа на род. падеж у *ь*-основ в отдельных примерах отмечена для словенского языка у Трубаря и некоторых других. При этом, как указывает Рамовш, в соответствующих случаях вполне ясно определяется условие, при котором осуществлялась индук-

ция, — положение существительных за местоимениями и прилагательными (у них оба падежа морфологически не различались): *is tih bošhik saruvidih*, *is tih zhloveških prepuvidih*; реже — в самостоятельном употреблении — *od mišhik*¹. Кроме Трубаря, такие формы встречаются только у Далматина, Креля, Скалара и позже почти не употребляются.

Влияние окончаний двух косвенных падежей — дательного и местного (предложного) множественного числа на именительный-винительный падеж этого же числа предполагается в словацком склонении имен среднего рода: *perá: perám, v perách*; *polia: poliam, v poliach*. Этим же влиянием можно объяснить и долготу *á* в форме им.-вин. падежа у существительных одушевленных (*dievčatá: dievčatám, v dievčatách*). Принадлежность этих последних к категории одушевленности не имеет в данном отношении большого принципиального значения. Указанное обобщение долготы в им.-вин. падеже мн. числа охватило в словацком языке все вообще типы существительных среднего рода (*semená: semenám, v semenách* и др.); на таком фоне тип *dievčatá, chlapčatá* мог и не обнаружить специального сопротивления в именительном-винительном индукции дательного и предложного падежей².

Подобные факты наблюдаются в чакавских говорах сербского языка и в посавских штокавских говорах. В говоре Нового *a* с восходящей долготой характеризует только *es-* и *en-*основы: *nebesá, brimená* и т. п. А. И. Белич полагает, что восходящая долгота конечного гласного *á* (вместо ожидаемого *à*) здесь не старая и получена из остальных падежей мн. числа (*brimenón, brimenih*), которые сильно отличались от форм ед. числа³. Такое объяснение не лишено правдоподобности, но в целом факты сложнее: указания на восходящую долготу заударного *a* мн. числа у имен среднего рода имеются также, как замечено выше, в словенском языке, в котором корневой подударный гласный в соответствующих словах обнаруживает изменение восходящей (акутовой) долготы в неподвижную нисходящую (вопоциркумфлексовую): *lěta, šita, kolěna, korita* и т. п.⁴.

Возможно, что по крайней мере по отношению к отдельным словам индукция твор. и местн. падежей мн. числа осуществилась и в украинском языке. Так скорее всего объясняется *svitá* (обычно *svitú*) под влиянием *svitámi* (ср. *ními y svitú* и *ními svitámi*) или наречного *y svitáx* «не дома, в мире»; может быть, и *liscá* (при обычном *liscú*) — *po liscáx, y liscáx* и т. п.

Индукцию дательного, творительного и местного падежей мн. числа на им.-вин. падежи видят в чешских формах *luka* «луга» (им. падеж ед. числа *louka*), *hrana* «колокольный звон по умершему», *muka*, *dvířka* «дверцы», *hora* (*Hora*), *kasárna* «казарма, казармы» и т. п.⁵. Такое на-

¹ F. Ramovš, указ. соч., стр. 63.

² Весьма возможно, что явление того же рода имело место в словенском: *lěta, ađela* (из **lěta, *ađela* с долготой из **-antъ, *-āchъ*). Но это предположение опирается на ряд в большей или меньшей мере спорных допущений акцентологического порядка; поэтому, не настаивая на нем, ограничиваемся одним упоминанием о такой возможности.

³ См. А. Белич, Заметки по чакавским говорам, стр. 223.

⁴ Мнение Т. Лера-Силавицкого о том, что в словенском акутовая интонация подударного слога изменяется в вопоциркумфлексовую перед акцентированным слогом без специальной долготы, считаю ошибочным (см. Т. Lehr-Spíawínski, O praisłowiańskiej metatonji, Kraków, 1918).

⁵ См.: J. Gebauer, Historická mluvnické jazyka českého, díl III, I, Praha — Víděň, 1896, стр. 178; W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II, Göttingen, 1928, стр. 33.

правление индукции подтверждается, в частности, тем, что в корне соответствующих слов вместо долготы появляется краткость. Вероятнее, что у слов типа *luka* (при *louky* — с дифференциацией значения) индукция шла в основном от форм местн. падежа *na loukách*, *na lukách*, откуда первоначально *luká*.

Заслуживает особенного внимания, что некоторые слова этой категории — *pluralia tantum* [ср., например, *hrana* (при *hrany*), *dviřka*, *kasárna* (при более употребительном *kasárny*); народн. *Hradčana* (при литературном *Hradčany*, род. падеж *Hradčan*)], — обстоятельство, особенно благоприятное для стирания приметы рода.

Для слова *muka* (мн. число и *muky*), вероятно, имело значение колебание в выборе формы ед. или мн. числа (при двусмысленности относительно числа и рода имени прилагательного-определения): *Voři muka* «распятие». Дialectное *hora* (*Hora*), кажется, употребляется преимущественно идиоматически; как собственное имя это слово является *plurale tantum*.

Индукцию, вероятно, в первую очередь дательного, во вторую — местного на творительный падеж множественного числа с большою вероятностью можно приписать для женского склонения типа *žnica* в словацком языке. Другие типы склонения позволяют с уверенностью считать, что в окончании *-ami* словацкий язык никогда не имел фонетической долготы; ср. *ženami* и т. п. Поэтому словацкое *žnicami* (при сохранившем старину *žnicami*) нельзя понимать иначе, чем как результат индукции со стороны формы *žniciam* (при *žnicam*¹) и, во вторую очередь, менее похожей формы местного *žniciach*².

Пример изолированного образования им. падежа ед. числа, обязанного своим появлением воздействию локатива, наблюдается в сербском чакавском говоре гор. Чреса (Cherso): это слово *tlôh*, род. падеж *tlohà*, со значением нем. «Boden» (ср. укр. *тло* «основание»). По объяснению М. Тентора, «*tlôh* — вероятно, местный падеж. мн. числа (как в древнем языке местн. мн. *tloh*, *ustoh*), и так как очень часто употребляется *po tlôh* («на земле», только адвербиально), то отсюда выделено *tloh* как им. падеж ед. числа»³. А. И. Белич отмечает в чакавском новлянском говоре *tlôh* как форму местн. падежа мн. числа и понимает ее как результат влияния дат. падежа — **tlom* (к им. падежу мн. числа *tlà*)⁴. Если это так — перед нами был бы очень редкий случай индукции мало употребительного у слов среднего рода падежа на очень употребительный, особенно у слова со значением «почва, земля, пол». Необходимо поэтому допустить иную догадку — например, о том, что форма *tlôh* возникла в этом говоре на основании ранее существовавшей формы ед. числа *tlo*.

Другое своеобразное явление по отношению к этому же слову отмечено было Дж. Даничичем⁵. У Матии Ерквича (1634 г.) встречается один раз местн. падеж ед. числа *тлеху*, для которого необходимо допустить им. падеж *тлех*; иначе говоря, местн. падеж мн. числа у этого слова стал, по-видимому, им. падежом ед. числа.

¹ Последняя форма не ясна: в чешском и словацком языках здесь ожидается только *-am*. М. Калал (M. Kálal, *Praktická srovnávací mluvnice česko-slovenská*, Banská Bystrica, 1926, стр. I) приводит параллельную форму с краткостью (тоже исторически неясную) и для формы местн. падежа.

² Указания на соответствующие формы см. L. A. Mičátek, *Diferenciálny slovensko-ruský slovník*, Turč. Sv. Martin, 1900, стр. 77 второй пагин.

³ М. Тентор, указ. соч., стр. 170.

⁴ А. Белич, Заметки по чакавским говорам, стр. 219.

⁵ Ђ. Даничић, *Историја облика српског или хрватског језика до свршетка XVII вијека*, Београд, 1874, стр. 135.

В пределах относительно небольшого, но в общем типичного материала, привлеченного нами к рассмотрению двух выборочно взятых (со стороны аккузатива и локатива) направлений индукции в славянском склонении, можно, таким образом, установить достаточно определенную особенность соответствующих фактов. Индукция, как правило, действует дробно и зависит в большинстве случаев от ряда комплексирующих моментов, определяющих ее конечный результат. «Большие» линии действия индукции могут быть констатированы для тех или иных групп фактов, но они, как мы могли видеть, далеко не составляют правила и тем более закономерностей, охватывающих родственные языки и диалекты в целом или хотя бы относительно большими группами. «Нет правила без исключения» — это положение применительно к данной области языковых фактов часто получает для себя вполне реальное оправдание.
